

УДК 141:327

Синергетико-методологический анализ современных геополитических сценариев и рисков

Я. С. Яскевич, доктор философских наук, профессор*

Выявляются философские основания современных геополитических сценариев и рисков в пространстве синергетической методологии. Обосновывается тезис о том, что методологический анализ геостратегий и рискогенности общества постмодерна следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое экономическое и политическое сообщество с учетом приоритетов национальной безопасности, суверенитета отдельных стран, ответственности за принимаемые решения на глобальном и национальном уровнях.

Ключевые слова: синергетика, геополитика, общество риска, постмодерн, интеграция.

Synergetic-Methodological Analysis of Contemporary Geopolitical Scenarios and Risks

Y. S. Yaskevich, PhD in Philosophy, Professor

Substantial models of modern geopolitical scenarios in space of synergetic methodology and a riskiness of modern society are considered. The thesis that the methodological analysis of geopolitical scenarios and risks should be carried out in the context of integration of the national states into world economic and political community taking into account priorities of national security, the sovereignty of the certain countries, responsibility for the made decisions at the global and national levels locates.

Keywords: synergetic, geopolitics, risk society, postmodern, integration.

Противоречивая и конфликтная модель современного социально-политического развития постулирует сегодня формирование нового мироустройства, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств, признание современного общества «позднего модерна» обществом риска и трактовкой риска как положительного феномена, пониманию рискогенности современности, для которой характерны неопределенность и увеличивающийся индетерминизм социальных структур и социальных агентов. Рассмотрим содержательные модели геополитических сценариев в контексте синергетической методологии и обоснования приоритетов национальных государств в условиях глобализации и рискогенности современного общества.

От классической к постклассической глобальной геополитике

Философско-ретроспективный взгляд на исторический процесс во всем его многообразии позволяет зафиксировать, что за очевидными межгосударственными конфликтами и противостояниями скрываются более фундаментальные, существенные детерминанты, нарушающие состояние мирового равновесия и, как правило, приводящие к геополитическим потрясениям, перманентному хаосу и реализации трагических сценариев.

Радикальные трансформации, характерные для современной мировой экономики, политики, социокультурного пространства, увеличивают степень социально-политического риска, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост геополитического риска с такими его угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил, по крайней мере риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска [4, с. 212]. Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития, выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования [12, с. 6—7].

Такого рода процессы сопровождаются глубокими качественными изменениями в содержании и структуре аналитико-методологической рефлексии по сравнению с ее предшествующими формами, требуя выявления философских осно-

* Директор института социально-гуманитарного образования БГЭУ.

ваний и механизмов геополитических и страновых рисков в различных сферах и состояниях глобальной культуры, фундаментальных жизненных смыслов ее универсалий, осуществления междисциплинарного синтеза различных знаний, чтобы затем представить в сжатом виде философско-категориальную матрицу человеческого бытия на изломе, позволяющую прогнозировать возможные риски и управлять ими.

Будучи междисциплинарной областью, классическая геополитика зафиксировала ряд закономерностей, ставящих перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым их вдумчивость и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении [14, с. 153—154]. История демонстрировала при этом свои жесткие выводы, показывая, что даже слишком большая геополитическая мощь не создает реальные предпосылки для контроля над бесконечно большими пространствами, а известные истории попытки установления мирового господства приводили к неизбежному краху (А. Македонский, Чингисхан, Наполеон, Гитлер). Геополитика как наука в ее отношении к власти установила, что иногда преимущества получает тот субъект, который контролирует геостратегически-ключевые точки пространства, а сила и слабость геостратегического субъекта зависит от его склонности к риску, от степени его самодостаточности и умения контролировать ключевые точки. Было показано, что потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает приобретение его другими; стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта обеспечивается некоторым оптимумом подконтрольного пространства в силу того, что чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта. Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимые признаки самодостаточности [9, с. 63—68].

Учитывая проектную направленность геополитики, она исследует географическое пространство исключительно с целью политического проектирования, связывая проектность или с формулировкой и обслуживанием пространственных запросов государств (О. Мауль), или с усмотрением возможных политических и географических целостностей более высокого уровня, чем государства (Дж. Паркер). Из совокупности разнородных данных в геополитике выстраиваются такие обра-

зы географических ансамблей, которые в данный исторический момент приобретают актуальный политический смысл. Технологии геополитики опираются как на способы преобразования географических регионов в явления политические — государства, союзы, буферные зоны и т. п., так и на методы низведения политических образований до уровня «чистой географии», типа переработки государств в «населенные территории», «проблемные зоны».

В рамках современных геополитических исследований классическая, например, тойнбианская модель цивилизационного развития в виде пяти локальных цивилизаций (индо-буддийская, китайско-конфуцианская, арабо-мусульманская, западно-христианская, славяно-православная) с присущим ей миром духовной культуры, равным положением перед лицом истории, правом на рождение, жизнь и смерть не оставляет места европоцентризму и дополняется идеей взаимодействия, взаимозависимости, единства современного мира в контексте глобализационных процессов. Вместе с тем формируются и концепции о доминировании, подчинении, установлении мирового порядка, контроле со стороны крупных геополитических центров по отношению к современному миру. Концепция, например, мир-системного анализа В. Валлерстайна отталкивается от того, что в XVI в. борьба мир-империй, основанных на политическом властвовании, и мир-экономик, основанных на торговле, завершилась в Европе победой последних, становлением современной мир-капиталистической системы и поэтапным перемещением центров силы из Испании в Голландию, далее в Великобританию и, наконец, в США. Анализ 500-летней динамики позволил Валлерстайну выявить ряд закономерностей: страна-гегемон обеспечивает свою геополитическую и идеологическую защиту под лозунгами свободной торговли и идей либерализма; развитие, как правило, начинается с агропромышленной сферы; наибольший подъем приходится на этап торговли; переход в этап банковско-финансовых операций означает утрату гегемонии. Приверженность однополюсному миру, европоцентристский дух данной модели во многом компенсируются за счет прогностического ее компонента, фиксирующего перемещения мирового центра силы в XXI в. в азиатско-тихоокеанский регион (АТР).

Согласно концепции цивилизационно-культурологического синтеза американского исследователя С. Хантингтона, мир после конца холодной войны и развала Советского Союза будет определяться уже не идеологическим противостоянием, а взаимодействием (конкуренцией и борьбой)

7—8 различных цивилизаций (к пяти основным Хантингтон добавил еще три — японскую, латиноамериканскую и африканскую) [11, с. 33—57]. Как видим, автор концепции придерживается идеи множественности центров силы, конфликты между которыми вплоть до войны (возможно, мировой) будут осуществляться на стыках цивилизаций, по линиям цивилизационных разломов. Между Западом и остальным миром будет проходить главная ось международных отношений, западные страны при этом будут играть все меньшую роль. Цивилизационный разлом проходит и через США, результатом которого может быть «разрушение Америки». Отмечая разрешающие механизмы цивилизационного подхода, Хантингтон подчеркивает важную роль религиозных идей и национальных политических культур в современном мире. В отношении России он предостерегает от попыток восстановления бывшего Советского Союза, отталкиваясь от традиционных идей геополитики о роли континентальной Евразии. Идеи Хантингтона относительно того, что страны тихоокеанской цивилизации в ближайшее время потеснят США, которые за последние 30 лет «постоянно снижали свою долю на рынке машиностроения» и ничего нового, кроме микропроцессора, не изобрели, придерживается и Ж. Аттали [1, с. 64].

С точки зрения философско-методологической рефлексии классическую геополитику не случайно называют силовой геополитикой, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами. Имея это в виду, Хантингтон образно подмечает, что Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии, но скорее превосходством в применении организационного насилия. В противовес доктрине установления нового миропорядка и концепции «управляемого хаоса», провозглашенной Вашингтоном после трагических событий 11 сентября 2001 г., неклассическая геополитика трансформируется на современном этапе в глобальную геополитику (цивилизационную). В ее основу должны быть положены постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии гецивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества. В рамках глобальной политики осуществляется антропологический поворот, в соответствии с которым человек выступает как один из важнейших географических факторов геополитики, гуманизм здесь обращивается к вопрошаемому мыслителю новой гранью — это уже не прометеевский гуманизм

единого дома на Земле. В пространстве глобальной геополитики человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов, человек — это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли [3, с. 11—15].

Цивилизационно-антропологическая матрица геополитики формируется в ответ на региональные ритмы, являясь основой кооперативного согласованного взаимодействия социальных, политических, экономических и социокультурных институтов суперсистемы. Пришедшая на смену вестфальской геополитической эпохе мировой истории (1648—1814), основанной на принципах баланса сил и национального суверенитета, Венской (1814—1914), приведшей к утверждению многополярного мира на евразийском континенте, Версальско-Вашингтонской (1919—1939), в рамках которой реализовались итоги Первой мировой войны и возникло первое в мире социалистическое государство, Ялтино-Потсдамской (1945—1991), связанной с победой СССР в Великой Отечественной войне, коалицией СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне, зарождением мировой системы социализма и установлением биполярного мира, так называемая Беловежская геополитическая эпоха (1991, Post-Cold-Warera), наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовала завершение «холодной войны» с претензией США на утверждение однополярного мира. Сегодня эта эпоха должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несиловой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» [5, с. 112]. Учитывая же, что именно в эпоху неустойчивости и перманентных перемен, переживаемых современным человечеством, создаются предпосылки для оказания влияния на конструкцию будущего мира, важно «вписать» в неклассическую геополитическую картину мира идеалы взаимо-уважения и толерантности, согласия и сотрудничества.

Синергетическая модель рисков в условиях глобализации: специфика, виды, рейтинги

Постклассические геополитические сценарии основываются в своих подходах на том, чтобы гео-

политический субъект сочетал при создании различных моделей мирового развития универсальный (мировой), региональный (цивилизационный) и страновой (государственный) вектор безопасности. Ясно, что национальные интересы государства представлены достаточно фундаментально на национально-государственном уровне. Как решить проблему соотношения безопасности на трех названных уровнях при учете цивилизационно-культурологической динамики и общечеловеческих интересов — такого рода вопросы требуют от современного геополитического субъекта рационально-взвешенной позиции в духе идей глобальной единой мировой истории, определенной интуиции и навыков рискованного поведения.

Гармоничное сочетание глобального и национального особенно необходимо в современных ситуациях глобализации и перманентных рисков. В этом плане заслуживают внимания рассуждения современных аналитиков, которые подчеркивают радикальные изменения в системе международных отношений, связанные с возвышением Китая, порождая тем самым своего рода «разломы» по линии Восток-Запад, актуализируя феномен так называемой «дипломатической революции». Поводом для нее становится экономический подъем Китая, а причиной — его военное возвышение, начавшееся в последние годы и неконтролируемое даже самим политическим руководством Китая. На протяжении последних лет, отмечает Эдвард Люттваг, выдающийся американский историк и политолог, специалист по политической и военной стратегии, по теории международных отношений, старший советник Центра стратегических и международных исследований США, китайцы инициировали не только серьезные споры и размолвки с Индией, Вьетнамом и Японией, но и стратегически противопоставили себя США, начав строительство военного флота. Вместе с тем Китаю следовало бы принять в расчет, что три азиатских государства — Япония, Индия и Вьетнам, вместе взятые, имеют больше жителей, чем Китай, больше финансовых ресурсов, чем Китай, и больше современных технологий, чем Китай, и ничто им не мешает через очень короткое время иметь вооруженные силы, вдвое более сильные, чем Китайская народная армия [6, с. 5—18], отмечает Люттваг Эдвард.

«Разломы» по линии Восток-Запад обнаруживают себя и в трансформации других стран. Так, модернизация Индии в первой половине XX в. осуществлялась в основном по модели западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, формировании местной бур-

жуазии и становлении демократических институтов. Однако вестернизация Индии не приводила к прерыванию традиции. Неведомые ранее индийской цивилизации формы и ценности демократии, за которые выступал конгресс, «вписывались» через архетипы национального сознания, индийское религиозно-философское наследие и, в частности, благодаря концепции ненасилия Махатма Ганди.

Конец второй мировой войны явился определенным рубежом в трансформации Востока. Авторитарно-военная модель Японии потерпела под ударами союзников крах, модернизация Японии стала развиваться под контролем американцев. В Китае же нашли отражение две модели: первая, ориентированная на агрессивное отторжение традиционных структур с последующей борьбой за торжество западных, победила с установлением Китайской Народной Республики; вторая, связанная с перенятием западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, утвердилась на Тайване. Обе модели, родившиеся в результате смуты, в 1949 г. появились на свет в качестве определенных осей координат государственности. Индия приобрела независимость именно в рамках национальной модели, заимствующей западные артефакты.

Панорамная картина трансформации Востока показывает, что для первого этапа, начала 50-х — рубежа 80—90-х гг. XX в., характерны три группы цивилизационных переломов и феноменов. Одна из групп — строительство небывалой, невиданной цивилизации на основах коммунистического эсхатологизма. Начавшись с грандиозной победы революции в Китае, радикально изменившей и мировой баланс сил, и мировой цивилизационный баланс, коммунистический эсхатологизм перекинулся в Северную Корею и Индокитай. Вторая группа феноменов трансформации Востока этого этапа определила развитие по квазизападному пути с привнесением рыночных отношений, либеральных институтов, интеграции в мировое сообщество. Экономический скачок Японии, Южной Кореи, Сингапура объясняется не только волшебной силой рынка, но и абсолютной подчиненностью личности интересам высших структур. Третья группа феноменов, вовсе не обозначавшая отдельную группу стран, но практически присутствовавшая во всех странах Азии, может быть названа поисками своего традиционного лица в новом цивилизационном потоке. Ни одна страна не осталась в стороне от процессов поиска своего нового «Я» в контексте периода трансформации под влиянием Запада, определенной фрустрации, ущербности национальных азиатских «Я», мучительной

деперсонализации, вызванной новой цивилизационной волной.

Второй этап трансформации Азии завершился вместе с послевоенным миропорядком в целом, главным фактором которого стал планетарный распад социализма. Демократическое движение в Китае, реформы во Вьетнаме, Лаосе, дальнейшее обострение кризиса в Северной Корее знаменовали конец революционного социалистического эсхатологизма и социалистической флуктуации, как это произошло в Восточной Европе и Советском Союзе. Началась новая волна национального и государственного самоопределения. Вместе с тем сегодня произошла окончательная интеграция Азии в мировое сообщество, ибо невозможно быть изолированным от всепроникающего и всеобщего цивилизационного потока [6, с. 12].

Сохранение традиционных ценностей, своего образа жизни, культурных и религиозных приоритетов, несовместимых с глобализмом, массовой культурой, подвергается сегодня реальному риску. Об этом свидетельствуют региональные конфликты в Корее, Вьетнаме, Афганистане и др. (во время холодной войны), вооруженные интервенции США под эгидой НАТО в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии (после распада СССР), «цветные революции» и подобные сценарии «смены режимов» в Грузии, Кыргызстане, Украине (на постсоветском пространстве), события во время «Арабской весны» (на Ближнем Востоке), в ходе протестных движений в Венесуэле, Аргентине (в Латинской Америке) и т. д. Для минимизации глобальных и локальных рисков, их регулирования и обеспечения безопасности в обществе риска прежде всего важно признание утверждения о невозможности полного отсутствия рисков в обществе; необходимо организованное социальное взаимодействие управляющих и управляемых субъектов, опосредованное социальными нормами, ценностными регулятивами и конкретными социальными условиями; формирование механизмов управления и нивелирования рисков, экспертной оценки рискогенности конкретного общества и обеспечения его безопасности [2, с. 4—9].

Основополагающий момент в исследовании риска — неопределенность, которую нельзя элиминировать, устранить полностью, однако можно существенно снизить, привлекая различные средства — от всестороннего информационного обеспечения до соответствующей нравственной и психологической подготовки лидеров в экономической политике, субъектов принятия решений в различных социальных сферах. Риск как раз и яв-

ляется деятельностью, связанной с преодолением неопределенности в ситуациях постоянного выбора, осуществляемого политиками, экономистами, менеджерами и другими субъектами социального действия. Именно в ситуациях неизбежного выбора имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудач и отклонений от поставленной цели. Рациональное аналитическое отношение к исследованию проблемы риска, а также оперативное использование некоторых знаний и рекомендаций в социальной практике способствует обоснованию адекватной технологии поведения в реальных ситуациях политического риска, позволяет защитить зарубежные инвестиции компаний путем прогнозирования возможных рисков в условиях глобализации.

Рискогенные ситуации, создаваемые на современном этапе геополитическими стратегиями США, дают импульс для построения различных моделей будущего мироустройства. Однополярному вектору мирового развития в таких моделях уже нет места. Совершенно четко это констатируется в докладе «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры», подготовленном Национальным советом по разведке, где отмечается: «В связи с бурным ростом других государств «однополярный момент» закончился и эпоха Pax-Americana — эра американского доминирования в мировой политике, которая началась в 1945 г., — стремительно движется к своему завершению» [15]. Создание фундаментальной концепции будущего мирового развития в условиях риска предполагает междисциплинарный синтез различных теоретических моделей, отражающих закономерности и механизмы формирования рискового мышления и поведения в различных сферах. В соответствии с этим методология геополитических рисков должна строиться по типу открытой рациональности, предполагающей поливариантность, многовекторность, отход от концепций жесткого детерминизма, отличающихся строго заданным характером всех без исключения связей и зависимостей и исключающих выбор альтернативы. Целью прикладных исследований риска не является полное устранение неопределенности, а по крайней мере снижение ее остроты, прогнозирование возможных негативных последствий развития этой неопределенности и стратегии деятельности, что особенно необходимо в современных условиях.

Поиск критериев и механизмов снижения политического риска внутри страны, формирование «защитного пояса» от политического риска невозможны вне анализа международной компоненты, преодоления деструктивных процессов централи-

зованного управления, обоснования альтернативных подходов, экономических и политических стратегий, разворачивающихся на авансцене мирового глобального развития. Ситуация неизбежного выбора своего исторического пути стоит сегодня перед многими странами и направлена на преодоление порою проявляющейся неопределенности, нерешительности, экономической и политической нестабильности и цивилизационное вхождение в мировое экономическое и политическое пространство.

В международной практике апробирован подход, заключающийся в выделении трех основных уровней при анализе природы политического риска: мега-, макро-, микрориски. Внешний, международный или глобальный риск — «мегариск», особенно остро заявляет о себе в эпоху глобальных финансовых и экономических кризисов, влияя на финансово-экономическую и социально-политическую деятельность всех стран. Экономическая глобализация в лице транснациональных компаний, Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда, Всемирного банка и других структур оказывает сильнейшее влияние на национальные экономики и внутренний, страновой — «макрориск», под которым следует понимать нестабильность внутривнутриполитической обстановки страны, оказывающей влияние на результаты экономической деятельности в бизнесе, предпринимательских фирмах и структурах, в связи с чем возникает риск ухудшения их финансового состояния, вплоть до банкротства. Особенно это сказывается на предприятиях различных форм малого и среднего бизнеса, поскольку напряженность политической ситуации в стране приводит к нарушению хозяйственных связей, ставит их на грань банкротства вследствие необеспеченности сырьем, материалами, оборудованием. Уровень отдельных субъектов (политиков, экономистов, предпринимателей и т. д.), отдельных фирм, партий, движений — «микрориск» мощно заявляет о себе, когда приходится принимать решения с учетом мега- и макрориска в конкретных структурных подразделениях страны.

Философско-методологический анализ рискогенности современного общества показывает, что культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами мирового экономического и политического риска, т. е. макрориск является составной частью мегариска. Принятие стратегических решений, обеспечение государственной безопасности на уровне макрориска нацелено на увеличение предсказуемости развития внешнеэкономических

связей и гарантирование стабильности внешних операций отдельных национальных корпораций. Размещение капитала за границей, торговые операции отдельных национальных фирм и предприятий на уровне микрориска требуют от лидеров, осуществляющих политическую власть в государстве, выработки системы гарантий от политического риска, элиминации неблагоприятных политических факторов в стране, где размещаются инвестиции, т. е. анализ микрориска всегда должен упреждаться анализом и оценкой макрориска, рациональной оценкой национальной экономики, построения долговременной экономической стратегии страны с учетом императивов, трендов и движущих сил эволюции мировой хозяйственной системы в глобализирующемся мире, реальных и потенциальных ресурсов трансформации национальной экономики исходя из конъюнктуры мирового рынка, роли и места инновационной политики государства в формировании экономики знаний [13, с. 9].

Поскольку политический риск — это возможность возникновения убытков или сокращения размеров прибыли, являющихся следствием глобальной и национальной политики, он связан с возможными изменениями в курсе правительства, переменами в приоритетных направлениях его деятельности. Учет рискогенности отдельных стран и регионов особенно важен в странах с неустоявшимся законодательством, отсутствием прочных традиций и культуры предпринимательства. В современном мире возникновение и проецирование макрорисков осуществляется в контексте геостратегии ведущих стран. Так, концепция Большого Ближнего Востока, закреплённая в геостратегии 1990-х гг. Вашингтона, включает в сферы влияния богатейшие в энергетическом отношении государства Каспийского бассейна, Аравийского полуострова, Ирана, Турции, Ирака, по периметру которых размещены военные базы и на экономическое и политическое развитие которых оказывается значительное влияние.

В этом контексте исследователи обращают внимание на четыре группы рисков: риск национализации и экспроприации без адекватной компенсации; риск трансферта, связанный с возможными ограничениями на конвертирование местной валюты; риск разрыва контракта из-за действий властей страны, в которой находится компания-контрагент; риск военных действий и гражданских беспорядков [8]. Риск национализации на практике интерпретируется предпринимателями очень широко — от экспроприации до принудительного выкупа властями имущества компании или просто ограничения доступа инвесторов

к управлению активами. При определении риска национализации сложность состоит в том, что в любой стране власти никогда не рекламируют возможность экспроприации или национализации. Как следствие, ни в одном документе юридически точно не определяется, чем, например, отличается национализация от конфискации. Риск трансферта связан с переводами местной валюты в иностранную. Примером может служить ситуация, когда предприятие работает рентабельно, получая прибыль в национальной валюте, но не в состоянии перевести ее в валюту инвестора, чтобы рассчитаться за кредит. Причин может быть множество — например, принудительно длинная очередь на конвертацию. Риск разрыва контракта предусматривает ситуации, когда не помогают ни оговоренные в договоре штрафные санкции, ни арбитраж: контракт разрывается по не зависящим от партнера причинам, например, в связи с изменением национального законодательства. Риск военных действий и гражданских беспорядков — это риски, в результате которых национальные государства и экономики могут понести большие потери и даже утратить свой суверенитет.

Сложная динамика некоторых глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мирового рынка капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы и глобального обмена товарами и услугами, тенденция к некоторой синхронизации международных экономических процессов обуславливают необходимость анализа мегариска, сценариев развития геополитических рисков. Смещение центра силы в Азиатско-Тихоокеанский регион, конец исторического периода «по-американски» (В. Бжезинский), влечет за собой возникновение таких геополитических поворотов, которые могут угрожать безопасности большинства государств мира, отстаиванию их национальных интересов и самостоятельного существования.

В качестве факторов геополитических и локальных рисков при этом заявляют о себе экономические факторы, связанные с тем, что причиной политических рисков может стать отсутствие необходимых денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, отсутствие развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т. д. Сюда относятся и информационные факторы, которые свидетельствуют об отсутствии четкой и полной информации о всех текущих политических процессах, недостаточность анализа политической ситуации

в целом, неадекватное реагирование властей на нее, отсутствие четкого подсчета приобретений и утрат, непонимание и игнорирование интересов других участников политических действий, борьба за доминирование в информационном пространстве и «кибер-войны» и т. д. Социальные факторы инициируются нестабильностью, агрессивностью и радикализмом проводимого политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населением проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем и др., что может служить «детонатором» для эскалации национальных рисков и конфликтов в геополитические (как это происходит в современной Украине).

Предупреждение нежелательных событий на уровне микрориска требует от субъектов политической и экономической деятельности глубоких знаний относительно тенденций развития отдельной страны и мирового сообщества в целом. Междисциплинарные и трансдисциплинарные стратегии современной науки, ее ценностные и антропологические повороты, переосмысление сути, принципов и моральных устоев демократии, диалог либеральных и традиционных ценностей, национальных и глобальных приоритетов оказывают фундаментальное влияние на понимание природы риска в современном мире.

В контексте междисциплинарной и синергетической методологии политический риск характеризуется такими свойствами, как альтернативность и нелинейность, проявляющиеся в многовариантности и открытости возможных сценариев реализации политической, экономической и социальной ситуации на различных уровнях в условиях реального выбора; иерархичность, которая характеризует политический риск с точки зрения его проявления на различных структурных уровнях: микро-, макро- и мегариски; системно-синергетический характер политического риска, заключающийся в его способности выступать как в качестве самостоятельного фактора политики и экономики, так и в то же время быть элементом системных кризисов и рисков различных видов — экономического, финансового, социального, коммерческого, инвестиционного, экологического и т. д.; управляемость и оптимизация политического риска, которые заключаются в возможности и необходимости эффективного регулирования им на основе синтеза и интеграции качественных и количественных экспертных подходов в оценке социально-политической ситуации, принятии адек-

ватных управленческих решений на различных уровнях и др.

В рамках построения современных рискогенных геостратегий, межцивилизационных моделей управления миром вряд ли уместны доктрины сдерживания роста мощи и влияния отдельных стран, например, Китая в Юго-Восточной Азии, выдвинутой администрацией Б. Обамы, противодействие евразийскому интеграционному процессу, деятельности БРИКС (как реализации концепции нового «шелкового» пути пяти стран — Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики), сценарии «смены режима» и гражданских войн в отдельных странах.

Исследование закономерностей геополитических рисков является междисциплинарной проблемой, имеющей не только теоретическую, но и практическую, прикладную значимость в самых различных сферах. Для анализа оценки политического риска в международной деловой практике разработаны различные прикладные модели, отличающиеся друг от друга по уровню исследования (мега-, макро- и микрориск), по направленности (ориентированные в большей или меньшей степени на экономическую или политическую среду) и т. д. Задача прикладных исследований риска состоит в том, чтобы снизить остроту неопределенности, предусмотреть возможные негативные и позитивные ее последствия. Мониторинг политического риска нацелен на защиту зарубежных инвестиций компаний путем прогнозирования возможных рисков, возникающих в социально-политическом пространстве.

Составление временных рядов экономического, демографического, связанных с внешней торговлей, внешним долгом страны и других индикаторов или индексов характерно для количественного подхода. Сравнимость и объективность используемых индикаторов — несомненная заслуга данного подхода. Среди факторов, влияющих на оценку рисков, выделяют: материальные ресурсы (капитал, трудовые ресурсы, профессиональные навыки, культура управления, технологии, природные ресурсы); социально-политические факторы (социальная неоднородность, расслоение общества, распределение дохода, политическая система, внутренние конфликты, легитимность правящей элиты, роль военных); политика правительства, входящая в состав социально-политических факторов (цели, финансовая политика, денежная политика, промышленная политика, политика занятости, торговая политика, инвестиционная политика, структурная политика, внешняя политика, политика доходов); международные факторы (геополитические, цены на нефть, цены на товары, ва-

лютные курсы, процентные ставки, инфляция, торговые тенденции) [10]. Смешанный (комбинированный) подход синтезирует информацию экспертов и объективные данные, обеспечивая тем самым формирование наиболее оптимальной модели к исследованию политического риска.

Сравнительные рейтинговые системы, использующие схожие методологии, разрабатываются консалтинговыми фирмами Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International and Data Resources Inc. (Policon). Большинство из них доступны в режиме on-line, и, как в случае с Policon, пользователи могут исключать вес различных переменных либо включать свою собственную оценочную информацию. Большим шагом вперед стало создание банков политических данных (World Handbook of Political and Social Indicators). На поле «экспертного» рейтинга известна Futures Group, отчеты которой — Political Stability Prospects сочетают данные наблюдений в формальных моделях с экспертными оценками для создания индексов стабильности по вероятностному распределению. И. А. Подколзина указывает и на две финансово-ориентированные рейтинговые системы: Institutional Investor's Country Credit Rating и Euromoney's Country Risk Index, охватывающие 109 из 116 стран соответственно. В модели Euromoney рейтинг странового риска составляется путем комбинирования набора индикаторов типа Лондонской ставки предложений по межбанковским кредитам (LIBOR), первичного ценообразования, межбанковских кредитов и т. д. [7].

Методологический анализ современных геополитических сценариев и рисков следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое экономическое и политическое пространство, в механизмы мирового разделения труда, в тесной неразрывной связи со стратегией экономической политики, развитием рыночных отношений, действием национальных правительств, а также различных политических сил как внутри страны, так и за ее пределами, оказывающих воздействие на деятельность экономических субъектов.

Таким образом, в настоящее время в поисках новых геополитических сценариев развития современного рискогенного общества настойчиво ищутся способы преодоления негативных тенденций западной цивилизации и реализации геополитической стратегии однополярного мира, осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности в предотвращении третьей мировой войны, прекращении национальных распрей, сохранении окружающей сре-

ды, преодолении отчуждения человеческой личности, ее сохранении.

Решение этих проблем, характерных как для современного Запада, так и Востока, возможно только на пути признания целостности и взаимозависимости современного мира, необходимости диалога культур, их взаимообогащения, признания приоритета за поведением, ориентированным на коммуникацию и понимание, национальную безопасность и суверенитет отдельных стран, ответственность за принимаемые решения на глобальном и национальном уровнях.

Список цитированных источников

1. *Аттали, Ж.* На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. — М., 1993.
2. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — М., 2004.
3. Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгизиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. — М., 2010.
4. *Глуценко, В. В.* Теория государства и права: системно-управленческий подход / В. В. Глуценко. — Железнодорожный, 2000.
5. *Ильин, В. В.* Мир GLOBO: Вариант России / В. В. Ильин. — Калуга, 2007.
6. *Люттваг, Э.* В политике самое важное — знать, когда нужно остановиться / Э. Люттваг // Свобод. мысль. — 2011. — № 3 (1622). — С. 5—18.
7. *Подколзина, И. А.* Проблемы оценки политического риска [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://consulting.ru/econs_art_845354567/cons_printview. — Дата доступа: 10.05.2015.
8. Политические риски [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.risk24.ru/politriski.htm>. — Дата доступа: 10.05.2015.
9. *Семенов, В.* Геополитика как наука / В. Семенов // Власть. — 1994. — № 8. — С. 63—68.
10. Страновой риск и методы его оценки // Международные банковские операции: метод. журн. — 2008. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm, 2008. — Дата доступа: 10.05.2015.
11. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. — 1994. — № 1. — С. 35—57.
12. *Чумаков, А. Н.* Глобальный мир: проблемы управления / А. Н. Чумаков // Век глобализации. — 2010. — № 2. — С. 3—15.
13. *Шимов, В. Н.* Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Социология. — 2014. — № 3. — С. 7—16.
14. *Яскевич, Я. С.* Политический риск и психология власти / Я. С. Яскевич. — Минск, 2011.
15. Global Trends 2030: Alternative Worlds [Electronic resource] // A report of U. S. National Intelligence Council. — 2012. — Mode of access: <https://public.intelligence.net/global-trends-2030/>. — Date of access: 22.07.2014.

Дата поступления в редакцию: 10.04.2015 г.